

Фэн Мин, в свою очередь проведив гостей, почувствовал усталость и, вернувшись в гостиную, потянулся и невольно широко зевнул.

Заметив это, Цю Лань посоветовала:

— Князь Мин сегодня немало выпил, и ему следует пойти спать.

— Разве это не ваша вина? — косо посмотрел на них князь и, полуприкрыв глаза, простонал: — Я тоже хочу спать, но разве Сяо Лю не говорил, что приедет?

— Ладно, я сам дождусь Сяо Лю, — ответил не придававший этой проблеме особого внимания Жун Ху, который был близок с Сяо Лю, так как они росли и тренировались вместе. — Даже если Сяо Лю приедет, то исключительно просто поболтать, не более. Вот только сейчас он на особом положении, потому ненадолго покажется и уедет. Если князь Мин действительно хочет с ним встретиться, то когда он приедет, я разбужу Вас, как думаете?

Утомлённый Фэн Мин закивал, словно курочка, клюющая рис. Цю Юэ и остальные служанки, поддерживая князя под руки, проводили в комнату, где помогли переодеться, а после, заботясь, чтобы Его Светлости было удобно, приготовили мягкую большую кровать.

В сравнении с Жун Тянем Фэн Мин всё же нисколько не умел пить и тотчас же пьянел от вина. Напившись до головокружения, князь, как только голова коснулась подушки, сразу же погрузился в страну грёз.

Увидев это, служанки, поджав губы, украдкой улыбнулись, затушили горящие в комнате свечи, оставив лишь одну, что тускло горела в дальнем углу, и тихо вышли. Наступила очередь Лю Юня охранять князя сегодня вечером: как и Фэн Мин, пропустив купание, он занял место у кровати, облокотился боком о кроватный столбик и, сжимая меч, стерёг спящего.

Хмельной князь спал крайне сладко, медленно погружаясь в сновидения, которые, казалось, были хорошими. Конечно же, ему снился Жун Тянь: как они лежат вместе, ничего не делая, лишь смотрят друг на друга, нежно улыбаясь. Князь разглядывал лицо возлюбленного и удовлетворённо хихикал, словно все его желания вмиг исполнились, глядел с улыбкой, краем уха улавливая доносящуюся лёгкую едва слышимую музыку.

Долгое время Его Светлость старался вслушаться в мотив и внезапно проснулся. Разве это не та мелодия флейты, что звучала на вечернем банкете? Неожиданно сон как рукой сняло. Князь открыл глаза, а стоящий рядом Ло Юнь, отстранившись от кровати, выпрямился, словно готовый к прыжку леопард. Сам же юноша выглядел очень бодро и, взглянув на Фэн Мина, спросил:

— Вы тоже слышите?

На что Фэн Мин восторженно вскочил с постели:

— Оказывается, мне не приснилось, это действительно играет флейта. — Спешно сев, князь обулся и набросил на плечи накидку.

Существовало ли в мире нечто тревожащее сон и такое же желанное, как эта музыка? Похоже, мелодия разбудила всех на корабле, ну а вскоре в комнату ворвалась Цю Юэ и зашумела:

— Скорее, князь Мин, идите посмотреть, этот играющий на флейте находится на реке. На этот раз худо-бедно, но я его заметила. — Спешно потянув Его Светлость из комнаты, девушка совершенно не озаботилась, интересуют ли Ло Юня любовные серенады.

Все, выбежав на палубу, устремили взгляды на поверхность реки. И действительно, неподалёку от большой джонки плавала лодочка, напоминающая листик, лицо играющего на флейте видно не было, только стройный непринуждённый силуэт, который стоял спиной ко всем и играл свою необыкновенную музыку.

Небо уже слегка просияло; в сереющем мраке и тумане, что растянулся над рекой, этот силуэт выглядел ещё более таинственно и привлекающе, вызывая в душе знакомое и родственное чувство.

Закончив играть, человек с флейтой в руках медленно обернулся и, подняв взгляд, встретился с любопытным и радостным взглядом чёрных как смоль глаз стоящего на палубе большой джонки князя, после чего медленно проговорил:

— Ваш покорный слуга понимает, что не следовало тревожить сладкий сон, но горы и река на восходе солнца так красивы, было бы жаль князю Мину пропустить такой пейзаж?

Уголки губ слегка приподнялись, разливая по лицу несравненно тёплую и приятную улыбку. Князь, разглядев вновь прибывшего и придя в восторг, сложил руки в знак приветствия, даже будучи за деревянной перегородкой борта[1], и громко проговорил:

— Неудивительно, что женщины повсеместно сходят с ума от молодого господина Ду Фэна, никто не может сравниться с подобной романтической натурой. Хм, восход солнца и впрямь красивый. Вот только я, как те легкомысленные и несчастные женщины, был сбит с толку молодым господином, — почтительно говоря это, князь скорчил крайне серьёзную мину. — Этот князь Мин всё ещё помнит, как при первой встрече молодой господин обманул меня, представившись вымышленным именем, неким... неким Муса. Если Вы не согласитесь подняться на борт джонки и приятно со мной побеседовать в качестве извинения, то я откажусь пойти на мировую.

Ду Фэн никак не ожидал, что князь так отреагирует, потому слегка удивился и, ещё больше растянув непринуждённую улыбку, засмеялся, вздыхая:

— В таком случае я не стану отказываться. — Убрав за пояс флейту, мужчина направил лодку к джонке, а после важно взошёл на борт.

На палубе, ещё не успев встретиться с Фэн Мином, Ду Фэн оказался в окружении пяти-шести охранников семьи Сяо. Зная, что охрана жестокая, князь спешно крикнул во весь голос:

— Это я пожелал, чтобы господин Ду сел на корабль! Он Ду Фэн из Бэйци! Эй-эй, вы слышите, он принц?

Но вдруг до слуха донеслось холодное:

— Плевать кто он, даже если он действительно принц, нам всё равно нужно его тщательно обыскать, тем более если он может оказаться подделкой!

Не к чему было оборачиваться, чтобы узнать, что данные слова принадлежат находящемуся рядом Ло Юню. Среди головорезов семьи Сяо, похоже, решающее слово было именно за ним, и действительно, когда Ду Фэна тщательно обыскали, товарищи доложили:

— Лишь флейта, никакого оружия не нашли.

Князь, подумав, что пока Ло Юнь рядом, будет сложно подружиться с Ду Фэном, наоборот, не осмелился ругать слугу, лишь вынужденно обратился к Ду Фэну с извинениями:

— Вашему Высочеству Ду Фэну не стоит сердиться, это... это просто, хе-хе, необходимые формальности...

— Ничего страшного, к тому же положение князя Мина крайне почётное, потому действительно нужно быть несколько осторожным. — Выражение лица Ду Фэна было обыденным: всё такая же тёплая улыбка, да и тон, которым он проронил свою фразу, также звучал мягко и ласково. — Друг мой, сколько бы я не бродил по свету, но всё же впервые оказался в окружении и подвергся обыску.

Фэн Мин чувствовал себя очень неудобно, и единственное, что ему оставалось, — сменить тему. Выдохнув «ха» словно в изумлении, князь спросил:

— Неужели в тот день, когда Ваше Высочество ради принца Яньтина встал напротив императора Ли — Жо Яня, по прибытии во дворец Ли Вас не обыскали?

Понимая, что князь сменил тему, и тоже не желая приносить неудобство, Ду Фэн легко улыбнулся, мягко поясняя:

— Как мог Жо Янь обыскать меня?! Ведь ему хотелось, чтобы я вместе со своими

вооружёнными людьми ворвался во дворец, это бы как раз послужило ему поводом всех уничтожить. Вот только оружие — жестокая вещь и не считается с моим характером, потому я никогда не ношу с собой меч или кинжал, и все друзья знают об этом.

На что Фэн Мин протянул: «А-а», всё понимая. И, вновь взглянув на Ло Юня, князь подумал: «Тц-тц, только злой человек днями напролёт строит из себя крутого, сжимая в руках меч, а воин, который, не вступая в битву, покорил врага, может без меча путешествовать по миру и жить вдали от родины, — это действительно талант, неудивительно, что принцесса Чжаобэй увлеклась этим мужчиной, да так, что даже отказалась стать императрицей». И, восхищаясь этим человеком, князь сложил руки в знак приветствия:

— Прощу, пройдёте в гостиную, где подадут чай и мы сможем поболтать по душам.

На что Ду Фэн беззаботно отозвался согласием, и все тотчас же направились в комнату. Одна лишь Цю Юэ, отстав от толпы, осталась стоять на палубе, закрыв глаза и что-то бормоча себе под нос.

Цю Лань, сделав несколько шагов, заметила, что подруга не двигается с места, развернулась и, вернувшись к служанке, с изумлением ткнула её пальцем:

— Что с тобой?

Цю Юэ подняла веки и благодарно отозвалась:

— Я благодарю Небеса, так как они выполнили моё желание увидеть «нежеланного государя».

Цю Лань сильно удивилась:

— Когда ты загадывала это желание? Почему я об этом не знаю?

— Очень давно, тогда я считала, что оно никогда не исполнится, — ответила довольная, что её мечта осуществилась, Цю Юэ.

— «Нежеланный государь» не имеет к тебе никакого отношения. И если загадывать, то действительно нечто стоящее, например, найти супруга, либо вечную, словно цветок[2], внешность.

— Я это тоже загадала.

— А? — И девушка хмуро добавила: — И много ты желаний загадала Небесам?

— Хм... — Цю Юэ, стараясь вспомнить, в итоге неуверенно произнесла: — Не помню, несколько сотен точно есть. Цю Лань, почему ты так смотришь на меня?

Но молчание было ответом.

— Цю Лань? — вновь позвала Цю Юэ.

Однако служанка, сложив молитвенно руки, начала бормотать себе под нос крайне набожно:

— Всесильные духи неба, прошу вас простить бедную душу Цю Юэ и не наказывать её, она просто запуталась...

Пройдя в гостиную, все спокойно сели по своим местам, а Цю Син лично позаботилась и заварила чай. Ду Фэн, взяв двумя руками протянутую служанкой чашку горячего напитка, улыбнулся в знак благодарности, взгляд чёрных, словно уголёк[3] глаз встретился с её, отчего девушка внезапно покраснела до кончиков ушей и, спешно опустив чашечку с чаем, выскочила из комнаты, как будто ускользнув.

Даже Фэн Мин наблюдал за произошедшим с любопытством.

— Давно наслышан о прозвище Вашего Высочества, — князь жестом позволил Ду Фэну пить и просто болтать.

На что Ду Фэн задал встречный вопрос:

— «Нежеланный государь» — Вы об этом прозвище? — Этот мужчина хоть и казался мягким, однако слова его звучали искренне и без колкости, данная манера не могла не вызвать симпатии.

Фэн Мин кивнул:

— Верно, «нежеланный государь» — действительно интересное прозвище.

— Интересное прозвище? — внезапно переспросил Ду Фэн и легко вздохнул. — Знает ли князь Мин, каков исход данной истории?

Никогда не думавший об этом князь слегка изумился и переспросил:

— И каков исход?

От подобных воспоминаний Ду Фэну словно стало не по себе, поколебавшись с мгновение,

мужчина очень тихо начал:

— Принцесса по имени Чан Лю — единственная очень добрая и очаровательная женщина. Она написала стих, в котором отказалась выходить замуж за принца Тун, после чего её отец, император Чжаобэй, пришёл в ярость и заключил её в тюрьму. Её матушка неоднократно уговаривала дочь согласиться на свадьбу, но Чан Лю по-прежнему была непреклонна.

В эту минуту в комнату вошли «жадная» Цю Юэ и «переживающая за жадную подругу» Цю Лань, тихо пройдя, девушки послушно сели каждая на своё место позади Фэн Мина, дабы по мере необходимости прислуживать господам. Услышав, о чём рассказывает господин Ду, служанки загорелись любопытством.

Крайне милосердная Цю Лань, не стерпев вставить слово, мягко проговорила:

— Неужели принцесса Чжаобэй до сих пор находится под стражей своего отца?

Ду Фэн покачал головой. Увидев это, две служанки вздохнули с облегчением и в голос сказали:

— В итоге выпустил.

На лице Его Высочества появилась шелковинка горькой улыбки, а сам Ду Фэн продолжил:

— Союз двух правящих родов всегда сулит сохранение огромной императорской власти. Разве мог император Чжаобэй с радостью отказаться от союза с Тун?! Он хоть и заключил свою дочь в тюрьму, но не мог силой вытащить согласие на свадьбу из уст Чан Лю, поэтому император Чжаобэй решил отдать замуж свою вторую дочь — Цзинь Лю[4] . — и отправить в страну Тун. — На самом деле на этом история не заканчивалась...

— Но у Цзинь Лю и её старшей сестрицы уже были свои возлюбленные... — Дойдя до этого момента, Ду Фэн обратил внимание на Цю Лань и Цю Юэ, которые, вытаращив глаза, смотрели на него; мужчина внезапно остановился и, спокойно улыбнувшись, объяснил девушкам: — У Цзинь Лю есть возлюбленный, и вовсе не ваш покорный слуга. По слухам, этот человек — низкоранговый молодой охранник дворца Чжаобэй.

И девушки только тогда едва слышно протянули «м-м», тем самым давая понять, что объяснение развеяло подозрения. Стоило ли говорить, что, помимо девушек, даже Фэн Мин до этого отнёсся с подозрением к словам Ду Фэна?

— Узнав, что отец хочет отправить её в Тун, предварительно выдав замуж, принцесса Цзинь Лю тоже была категорически против. Император Чжаобэй, поняв её чувства, приказал министрам заманить этого охранника на борт корабля, связать по рукам и ногам и сбросить посередине реки, дабы утопить живьём.

Не успел мужчина закончить предложение, как с красивых губ сорвались три тяжёлых вздоха, в которых таились изумление и горестные мысли.

Естественно, два из них принадлежали Цю Юэ и Цю Лань, которые сидели позади князя, а третий вздох донёлся из-за шторы. На самом деле Цю Син, которая выбежала словно струйка дыма и не успела далеко уйти, спряталась за шторкой и подслушивала их разговор.

Тяжёлые переживания также охватили душу князя, ведь события такие печальные, но всё же лучше не позволять Цю Лань слушать рассказ господина Ду, иначе неизвестно, каким именно плачем может всё кончиться. Потому князь, обернувшись, мягко приказал:

— Пойдите немного поразвлекайтесь, перекусите, а потом вернётесь.

Однако крайне обеспокоенная судьбой принцессы Чжаобэй Цю Юэ дрожащим голосом спросила:

— А что было дальше?

Вот только Ду Фэн, услышав, как князь приказывает девушкам выйти и чем-нибудь заняться, уже понял намерения Фэн Мина и, ничего не ответив служанке, наоборот, стал наблюдать за Его Светлостью.

Ведь этот мужчина, Ду Фэн, умел понимать настроение людей и обладал талантом в малом увидеть большое[5], и был на самом деле необыкновенным человеком.

В душе князь нахваливал его за весьма чуткую натуру, но раз уж Цю Юэ спросила, то сейчас даже если их отправить занять себя чем-либо, позже они вновь вернуться к этому вопросу, и, вздохнув, Фэн Мин обратился Ду Фэну:

— Прошу Ваше Высочество продолжить свой рассказ, мне очень интересно, что было дальше с принцессой.

За это короткое молчание Цю Син, выйдя из-за шторы, тихо села на колени возле своей близняшки, внимательно слушая вместе со всеми.

Ду Фэн продолжил говорить:

— Император Чжаобэй сначала подумал, что после смерти возлюбленного Цзинь Лю выбросит его из головы и спокойно выйдет замуж за принца Тун, став его принцессой[6]. Но он ошибался. Принцесса Цзинь Лю, узнав о смерти возлюбленного, в тот же вечер... покончила с собой.

На самом деле слушатели к этому моменту уже догадались о дальнейших трагических событиях и, сейчас услышав, как Ду Фэн говорит об этом, всё равно вздрогнули, чувствуя, как сердце охватывают трепет и безграничная жалость.

— Дочь покончила с собой, император Чжаобэй не только испытывал сожаление, но и очень страдал от горя. Согласие на брак Чжаобэй уже отправил в Тун, но вторая принцесса мертва, кто теперь должен был выйти замуж? Другого выбора не было, поэтому император Чжаобэй вновь решил выдать замуж самую младшую дочь — третью принцессу Су Юнь[7] — за наследного принца Тун.

Вырвалось тройное:

— А?

Стоило Ду Фэну упомянуть это, как все одновременно вздрогнули. История получила непредвиденное развитие, вот уж действительно неожиданно. Стала бы на самом деле трагичная история, причинившая предостаточно боли, ещё болезненней и мрачней?

В конце концов, когда Фэн Мин понял значение прозвища «нежеланный государь», Ду Фэн принял удручённый вид.

Цю Юэ, заскрежетав зубами, поинтересовалась:

— А этот император Чжаобэй действительно родной отец этих принцесс? Даже если дочь никчёмная, незачем так вредить ей.

— В таком случае... эта маленькая принцесса всё же вышла замуж за принца Тун? — задала более насущный вопрос Цю Лань.

— Нет, — крайне едко улыбнулся Ду Фэн и, опустив мягкий взгляд, тихо посмотрел на пол, что был сейчас перед его глазами, после чего хмуро добавил: — В Чжаобэй есть только три принцессы, и вторая из них уже мертва. Остались лишь первая принцесса, которая отказалась от свадьбы, и третья — которой нет ещё тринадцати лет. Третья принцесса, юная и робкая, понимая, что в скором времени выйдет замуж и отправится в далёкие края, залилась слезами, день и ночь она плакала, и плач её эхом прокатился по всему дворцу Чжаобэй, тревожа слух сидящей в заточении старшей сестры — Чан Лю.

— А? — лёгкий вздох сорвался с губ Цю Юэ, которая не могла поверить услышанному, и с сомнением пролепетала: — Тогда принцесса Чан Лю...

— Она согласилась на свадьбу и сейчас уже является принцессой наследника престола, — закончил Ду Фэн, а в комнате повисло гробовое молчание. Никто не знал, что сказать в данной ситуации.

— Свежий ветерок завладел ивой, ива горюет, скорбит-печалится, все слёзы выплакала, всё время проводя в обоюдном ожидании, прости ничтожную, что отвергла доброту, не желаю государя, желаю лишь муженька Ду, — медленно пропел тихим голосом Ду Фэн. — Нежеланный государь, может, действительно нежеланный? — он тяжело выдохнул, выпуская неистощимую печаль, поднял взгляд и обратился к Фэн Мину: — Теперь князь Мин понимает, каким вкусом для ничтожного ощущаются эти два слова «нежеланный государь»?

Узнав истинную суть, князю стало очень стыдно, и он тотчас же, сложив руки в знак почтения, извинился:

— Я был неправ, прошу Ваше Высочество не порицать меня.

Ду Фэн блёкло и тяжело улыбнулся, не проронив больше ни слова.

Однако Цю Юэ спросила:

— Но... почему тогда Ваше Высочество не спас первую принцессу?

Услышав служанку, Ду Фэн перевёл на неё взгляд, который хоть и был тёплым, но в нём таилось нечто необъяснимое, что заставило Цю Юэ спрятать глаза и слегка отвернуть лицо, испуганно произнеся:

— Раз уж... раз уж Ваше Высочество и принцесса Чан Лю... то как же решились...

— Как принцесса узнала, что я не отправлюсь в Чжаобэй?

Взгляд служанки просиял:

— Вы отправились в Чжаобэй? Тогда... — блеск померк в глазах Цю Юэ.

В итоге незачем было спрашивать, иначе сейчас принцесса Чжаобэй не являлась бы женой наследного принца Тун.

Ду Фэн блёкло ответил:

— У меня в Чжаобэй есть несколько приятелей, получив новость, я воспользовался способом проникнуть во дворец и отыскал Чан Лю. Моим главным желанием было забрать её.

Цю Лань в одно мгновение задержала дыхание и напряглась:

— Но император Чжаобэй узнал?

Ду Фэн мягко посмотрел на неё и сказал в ответ:

— Если бы узнал, Ду Фэн уже давно был бы мёртв.

— Но...

— Я в итоге встретился с Чан Лю и предложил бежать вместе, — погрузившись в воспоминания, Ду Фэн свёл тонкие брови к переносице, обнажая шелковинку разочарования от того, что ничего не мог поделать. — Но она задала мне один вопрос.

Услышав тон Ду Фэна и зная, что это конец истории, никто не поинтересовался, какой именно вопрос задала Чан Лю, все прекрасно понимали — этот вопрос не сулил ничего хорошего.

Фэн Мин хмуро спросил:

— В конце концов, какой вопрос Вам задала принцесса Чан Лю?

— Она спросила меня, — мужчина вздохнул и после долгого молчания всё же вспомнил, подчёркивая каждое слово: — Вы хотите увезти меня с собой, но можете ещё взять с собой мою третью глупышку[8], а также каждую знатную девушку, которую Чжаобэй пообещает отдать наследному принцу Тун в качестве супруги?

Этот отрывок памяти в его голове прокручивался уже более тысячи раз: как его слова слетали с уст, описывая беспомощное сожаление несчастной Чан Лю, — вся сцена до мельчайших подробностей[9]. Фэн Мин, как и все, от услышанного чувствовал, будто кто-то, взяв камень, с силой сдавливал сердце.

Они, глядя на Ду Фэна, хоть и хотели утешить, но даже ни одного слова вымолвить не могли. Ведь говорить что-либо было бесполезно.

После продолжительной тишины Цю Син внезапно резко вздохнула и, без раздумья поднявшись на ноги, прошептала:

— Чай остыл, пойду заварю новый. — И, взяв чашки Ду Фэна и князя, быстро ушла, словно сбегая от этой гнетущей атмосферы.

— Поэтому принцесса Чан Лю в итоге... вышла замуж и уехала в Тун? — тихо заговорила Цю Лань. Девушка совершенно не надеялась на ответ «нежеланного государя». Все уже заранее знали, что он скажет на этот вопрос.

Будучи в отношениях с Жун Тянем, Фэн Мин очень сильно боялся историй с роковыми расставаниями, а услышав слова Его Высочества, князь невольно сравнил себя с Ду Фэном и в

душе подумал: «Если бы я с Жун Тянем так расставался, то лучше бы принял смерть невинным, чем мучился от сердечной боли». Придя в себя, юноша вспомнил, что является молодым господином, разразиться слезами — значит выставить себя на посмешище, поэтому спешно постарался проморгаться, пока тонкая пелена слёз не сошла с глаз, после чего попытался взбодрить и утешающе проговорил: — Прошлое в конце концов осталось позади, и горевать о нём незачем. Но, кстати, мы собираемся на этом корабле отправиться в Тун, может... — Слова ещё не стихли, а Его Светлость уже заметил, как Ду Фэн одарил его лёгкой улыбкой, украшавшее лицо сожаление сменилось на невольное изумление, а сам Фэн Мин после паузы всё же спросил: — Хочет ли принц отправиться вместе со мной в Тун? Кто знает, может, встретитесь с принцессой Чан Лю.

Конечно, при условии, если им не повстречается пообещавший отомстить за отца-императора принц Тун и не призовет войско, дабы разрубить тело князя на десять кусочков, делая из Его Светлости бакуай[10].

Уголки губ слегка приподнялись, и вновь на лице мужчины появилась безысходная улыбка, сорвался раздражённый вздох, а сам принц откровенно вернул Фэн Мину:

— Я встретился с князем Мином, словно старинный друг, потому не хочу что-либо скрывать. На самом деле ничтожный явился в Фэньчэн лишь мельком взглянуть на его красоту, затем, попрощавшись, я планирую отправиться через Юньинь в Фаньцзя, чтобы взглянуть на нынешнее положение Фаньцзя, да и там много хороших друзей. Князь Мин, надеюсь, понимает, зачем мне на полпути возвращаться, чтобы специально нагнать большую джонку князя Мина?

Фэн Мин обомлел. Ведь он ошибочно полагал, что они с Ду Фэном связаны судьбой и лишь по её воле состоялась их сегодняшняя встреча. А оказалось, Ду Фэн нарочно прибыл сюда, и не исключена возможность, что вчерашнюю мелодию он тоже играл нарочно. Но зачем?

Хотя Фэн Мин несколько лет следовал за Жун Тянем, но до сих пор не перенял мастерство императора Силэй — не проявлять внешне ни радости, ни гнева[11] — и потому, сталкиваясь с чем-то непонятным, князь тотчас же проявлял исступленное очарование. Сейчас он нахмурил брови и, недоверчиво глядя на Ду Фэна, проговорил, с готовностью внимать чужие советы:

— Так всё же зачем?

Ло Юнь, в свою очередь, холодно уставился на него, в сердцах уже намереваясь, если этот «молодой господин рода Сяо» осмелится в присутствии этого «незнакомца» Ду Фэна копошиться, глупо ероша волосы, взять и безжалостно ударить рукоятью меча по княжеской черепушке.

Но крайне чувствительная Цю Юэ, тотчас же узрев, каким острым взглядом юноша прожигает Его Светлость, машинально проговорила, предупреждая: «Дурной мальчишка[12], вырази хоть каплю почтения!»

Ду Фэн, словно не замечая их тихой перепалки[13], по-прежнему смотрел на князя и откровенно продолжил:

— Поскольку я получил письмо, написанное рукой Чан Лю.

— Что?

— Принцессы Чан Лю!

— Написанное её рукой?

— ...!

Раздались несколько изумлённых голосов, на самом деле неизвестно, кто это сказал. Однако только что рассказанная трагичная история сейчас была подобна остывшей золе, которая разгорелась с новой силой[14], взволновав слушателей. И это неудивительно.

После вскриков Цю Юэ, придя в восторг, первая предположила:

— Ваше Высочество теперь хочет отправиться в Тун, чтобы встретиться с ней?

Раздалось насмешливое фырканье. Незачем было спрашивать, и так понятно, что это насмехается «дурной мальчишка» Ло Юнь. Цю Юэ гневно уставилась на юношу.

Цю Лань тоже мягко спросила:

— Принц Ду хочет сказать нам о том, что Её Высочество написала в письме? На самом деле... это личные вещи между Вами и принцессой Чан Лю, и мы изначально не должны этим интересоваться. — На щеках выступил едва заметный румянец, который выдал девушку с головой, давая всем понять, что она сочувствует, но в то же время ей очень любопытно.

Фэн Мину также было интересно, и он, горя желанием, посмотрел на Ду Фэна:

— Письмо принцессы Чан Лю заставило Ваше Высочество отказаться от первоначального желания отправиться в Фаньцзя, но заставило вернуться и настигнуть мою большую джонку. То, что в письме, должно быть, имеет к нам отношение, верно?

На что Его Высочество кивнул, отвечая:

— Имеет и довольно тесное.

— Э?

— Чан Лю в письме рассказала, что вдали от дома, одна, в чужих краях, она часто горюет и не может уснуть, в итоге из-за скорби и печали заболела.

Цю Лань, ойкнув, прошептала:

— Заболела? Да разве так можно?!

На лице Ду Фэна появилась шелковинка невыносимой боли, охватившей сердце, а сам мужчина очень хмуро и приглушённо проронил:

— Когда я получил её письмо, то сразу же для себя решил, что выполню любое её требование, и, тотчас же отказавшись от всего и не заботясь о последствиях, отправился выполнять её заветное желание.

Глядя во все глаза, Цю Юэ крайне нетерпеливо поинтересовалась:

— Принцесса Чан Лю хочет, чтобы Вы немедленно отправились в Тун, чтобы встретиться с ней? — Уже второй раз девушка задавала всё тот же вопрос, было заметно, что в глубине души Цю Юэ желает, чтобы для несчастных возлюбленных поскорей закончилась эта трагичная разлука.

Ду Фэн признательным взглядом окинул её и со вздохом сказал:

— Если бы дело обстояло именно так, то его во много раз легче было бы уладить, в крайнем случае за мной была бы смертоносная погоня и только, чего мне, Ду Фэну, бояться? Но Чан Лю... — он слегка закусил губу и больше не проронил ни слова.

Хоть продолжения и не последовало, однако все поняли, что мужчина хотел поведать.

Как могла принцесса Чан Лю, которая тогда ради защиты своей родной младшей сестры скрепя сердце согласилась выйти замуж, а сейчас, уже будучи женой наследного принца Тун, от всего отказаться и бежать с Ду Фэном? Ведь эта неизбежная связь — жертва ради других, к тому же могла пострадать её родная младшая сестра.

— Чан Лю в письме просит меня о трёх вещах, — блёкло проговорил Ду Фэн. — Во-первых, она тяжело заболела от бессонных ночей и страданий. Она пишет, что не хочет умирать, по крайней мере сейчас её смерть недопустима. Ведь как только она умрёт, её муж, вполне вероятно, может ради получения родственной власти вновь обратиться к императору Чжаобэй и взять в жёны её третью сестру. Она не хочет, чтобы её младшая сестра мучилась и страдала так же, как она. Чан Лю хочет, чтобы я для неё отыскал верное лекарство, которое могло бы излечить её недуг.

Но Фэн Мин огорчил:

— Чтобы излечить болезнь сердца[15], нужны лекарства сердца[16], по всей вероятности у принцессы Чан Лю любовная тоска, а Вы, на мой взгляд, и есть верное лекарство для её лечения. — И пальцем указал на Его Высочество.

Князь озвучил то, что было на уме у большинства в комнате; когда слова слетели с уст, находящиеся рядом Цю Юэ, Цю Лань и даже уже принёсшая горячий чай Цю Син единодушно выразили одобрение кивком, да что уж там девушки, даже Жун Ху с Ло Юнем едва заметно кивнули.

Оставшийся равнодушным Ду Фэн медленно проговорил:

— Причина тяжёлой болезни Чан Лю кроется в бессонных ночах. Ей нужен не я, а успокаивающее дух лекарство. Именно по этой причине я встретился с князем Мином.

— Ох, откуда в этом мире взяться какому-то успокаивающему дух лекарству? По-моему, Вам всё же нужно оставить стыдливость и скорей... А? Что Вы сказали? — только сейчас до слуха и ума Фэн Мина дошли последние слова Его Высочества. И князь, широко открыв рот, перевёл палец, которым указывал до этого на мужчину, на собственный нос. — Со мной? У меня есть нужное ей лекарство? Ч-что за лекарство?

— Возможно, оно есть только у князя Мина. Это лекарство — камень Аньшэнь[17], который обладает почти такой же силой, как и небесно-земное кольцо Дунфань.

— Камень Аньшэнь? — князь пробормотал причудливое слово, словно заучивая. Всё же не имея ни малейшего представления о нём, Фэн Мин обернулся и уставился на Жун Ху. — Хм, ты что-нибудь слышал про эту вещицу?

— Угу.

— Точно слышал? — глаза князя просияли. — Он находится в сокровищнице семьи Сяо?

— Угу, — небрежно отозвался телохранитель, выдохнув слово.

— Скорее достань его.

Его Светлость был крайне взволнован, однако Жун Ху никуда не двинулся, а, наоборот, продолжил спокойно сидеть на месте.

— Князь Мин.

— В чём дело?

— Камень Аньшэнь является всемирно известной драгоценностью.

— И насколько он драгоценен?

Мазнув взглядом по Ду Фэну, телохранитель Силэй серьёзным тоном ответил князю:

— Очень драгоценен. — Слова не успели стихнуть, а снизу кто-то его очень сердито пнул. Обернувшись, Жун Ху увидел, что это сделала рядом находившаяся супруга.

После своей выходки Цю Лань шепотом забранилась:

— Чужая жизнь скоро сгинет, а ты всё ещё раздумываешь, драгоценен этот камень или нет?

В это время стройное тело Его Высочества поднялось, на лице мужчины не было ни недовольства, ни ненависти, наоборот, благоговейность читалась в облике Ду Фэна, а сам принц серьёзно проговорил:

— Ду Фэн хоть не богач, однако у моей семьи предостаточно денег и драгоценных безделушек, получив письмо, я приказал своим слугам немедля вернуться на родину и продать всё семейное имущество. Как только князь Мин назовёт цену, Ду Фэн хоть разорится, но купит. Вот только на продажу земли потребуется время, а на обмен на золото и его последующую перевозку всё равно уйдёт месяц. Если князь Мин доверяет Ду Фэну, то может ли сначала передать камень Аньшэнь в Тун, а через полтора месяца Ду Фэн лично преподнесёт золото в качестве оплаты?

От подобного разговора Фэн Мину стало крайне неловко, и, последовав примеру Его Высочества, поднявшийся князь, поддерживая под локоть Ду Фэна, попросил последнего вновь присесть и сказал со смехом:

— Принцу ни в коем случае нельзя так поступать и продавать семейное имущество. Изначально камень Аньшэнь несёт успокаивающий эффект, разве не досадно будет, если камень останется лежать в сокровищнице? Драгоценности только там, где могут применяться во благо, считаются драгоценностями. — И, обернувшись, спросил у Жун Ху: — Кстати, а где сейчас этот камень?

«Ах, вновь вспомнил, что у моего безумного папаши огромное богатство. В следующий раз нужно как можно тщательнее изучить перечень сокровищ, предварительно выпросив его у Жун Ху, дабы позорно вот так не спрашивать».

Глядя на желание князя, Жун Ху уже понял, что щедрый и совершенно не знающий, как осмотрительно вести семейное дело, князь Мин вот-вот окажется в дураках.

На самом деле любой, кто услышал историю принцессы Чжаобэй, проявил бы сочувствие. Однако ему, Жун Ху, государь вверил управление семейным имуществом господина Сяо, и, собственно говоря, смутное беспокойство по поводу расточительности князя Мина начало охватывать Жун Ху: а если начнётся война, нужно будет закупаться провиантом для армии, восстанавливать страну, везде потребуются деньги, поэтому как можно допустить, чтобы князь Мин раздавал кому попало деньги и драгоценности?!

Жун Ху не проронил ни единого звука, и вновь его незаметно пнули. Ни к чему было спрашивать, ведь и без того было ясно, что это снова ударила Цю Лань. Жун Ху поднял взгляд на супругу и, увидев жалобно просящую мордашку, хмуро проронил:

— Камень Аньшэнь является крайне редкой драгоценностью, так легкомысленно отдавать её кому-то, боюсь, будет неправильно.

Цю Юэ возмутилась:

— Это вещи князя Мина, кому хочет, тому и даёт.

Но кто-то стоящий рядом вернул:

— Род Сяо богат и влиятелен, великодушен и щедр, и всемирно известен. А если молодой господин захочет подарить какую-то вещицу, да что уж там говорить об одной, допустим, он подарит сотню вещиц, тысячу, что в этом такого особенного?! Поэтому, если молодой господин хочет кому-то что-то подарить, то пусть дарит, а не ждёт твоего разрешения, Жун Ху.

Тон, звучавший холодно и колко, конечно же, принадлежал Ло Юню, кто бы мог сомневаться. Он не являлся человеком Жун Тяня и, естественно, его не тревожило, что для будущего сражения императору Силэй понадобятся деньги. В его глазах молодой господин рода Сяо даже если захочет кому-то что-то подарить, то всегда ждёт одобрения своего подчинённого, а этого вполне достаточно, чтобы потерять лицо перед посторонними.

Цю Юэ не ожидала, что он вдруг откроет рот и скажет за себя, поэтому крайне изумилась и, повернув голову и выпучив глаза, смерила взглядом Ло Юня. Ду Фэн, в свою очередь, увидев неловкость князя, тоже испытал беспокойство, но, поразмыслив с мгновение, решительно поднял голову со словами:

— Давайте сделаем так, князю Мину не нужно дарить мне камень Аньшэнь, только одолжить на время и всё. Чан Лю очень больна, но как только она выздоровеет, клянусь немедля вернуть камень князю Мину. Моё обещанное золото преподнесу в указанный день, и можете считать, что это плата за заимствование данной драгоценности. Ну так как? — И перевёл взгляд с таинственным блеском на Жун Ху.

Мужчина понимал: единственным препятствием, которое отделяет его от обладания камнем Аньшэнь, является Жун Ху. Что касается самого телохранителя, то он тоже чувствовал себя

несколько подавленно, так как все вокруг, похоже, приняли сторону Ду Фэна, в частности и его горячо любимая супруга — Цю Лань. Если сейчас не дать согласия, то, вероятно, несколько месяцев Цю Лань будет его ненавидеть, да и князю отказать тоже неудобно.

Опустив голову, телохранитель Силэй подумал: «У рода Сяо бесчисленное множество драгоценностей, к чему ставить князя Мина в неловкое положение перед другими, запрещая взять всего одну какую-то вещицу?!» И после короткого молчания Жун Ху приглушённо добавил:

— Я хоть и временно в ответе за имущество господина Сяо, но настоящий хозяин всё же князь Мин. Как князь Мин скажет, так и будет.

Близняшки закричали от чрезмерной радости. Ну, а сам молодой господин с хохотом переспросил:

— Правда как скажу, так и будет? Тогда я уже сказал. — В приподнятом настроении Его Светлость обернулся к Ду Фэну и, показав радостное выражение лица, от которого словно исходило весеннее дуновение ветра, ответил: — Его Высочеству не нужно унывать, и скорее прикажите своим людям, чтобы не продавали семейное имущество.

На самом же деле Ду Фэн хоть и пребывал в печали всё это время и предавался унылым мыслям, но постоянно держался непринуждённо и не забывал о прекрасных манерах. Более того, он вовсе не собирался падать духом, как велел ему князь Мин.

Услышав слова Фэн Мина, мужчина лишь слегка опустил голову:

— Ду Фэн не может, не заслужил подобной милости, тем более камень Аньшэнь явля...

— Давайте сначала поговорим не о камне, — князь прекратил смеяться и внезапно серьёзным тоном добавил: — Сначала расскажите, относитесь ли Вы ко мне, Фэн Мину, как к другу?

Мужчина слегка растерялся и, тотчас же кивнув, сказал со смехом:

— Если бы не относился к князю Мину, как к другу, то не сел бы на корабль.

Фэн Мин, услышав его ответ, сильно обрадовался и крикнул:

— Замечательно! Возлюбленные обмениваются подарками при помолвке, подтверждая согласие на союз, и мы, так как являемся приятелями, должны обязательно обменяться чем-нибудь в знак свидетельства нашей дружбы. Камень Аньшэнь является моим свидетельством! — голос князя получился крайне взволнованным, однако сам Фэн Мин, внезапно вспомнив об очень важном вопросе, спешно повернулся и, схватив и притянув Жун Ху к себе, приглушённо процедил: — Безобразие, я забыл спросить, в какой именно сокровищнице лежит камень

Аньшэнь? Он же не находится где-то далеко на территории Яньтин? Прощу тебя, скажи, что он на корабле.

Жун Ху улыбнулся, полагая, что князь так напряжён из-за чего-то произошедшего:

— Докладываю Вашей Светлости, камень Аньшэнь находится на корабле, лежит в каюте с драгоценностями.

— Правда?

Жун Ху ударился в объяснения:

— Князь Мин запомнил? Перед отплытием молодого господина рода Сяо Ло Дэн тщательно подготовился, приказав взять из разных сокровищниц всё самое ценное и перенести на борт большой джонки, чтобы молодой господин в любое время мог воспользоваться драгоценностями, и камень Аньшэнь тоже среди них. Ваш подчинённый только вчера изучал список ценностей.

Фэн Мин обрадовался:

— И ещё медлишь?! Скорее иди и принеси его, — отпустил он телохранителя.

Цю Лань и близняшки тотчас же с воодушевлением взяли «под стражу» Жун Ху и сопроводили его. Не прошло и минуты, как раздались спешные и словно охваченные восторгом шаги, что давали понять — камень Аньшэнь уже вынесен из сокровищницы.

Генерал Жун Ху протянул вещицу князю, который, взяв в руки драгоценность, осмотрел её со всех сторон и хмуро прервал молчание:

— Ничего особенного не увидел, почти такой же, как обычный камень, только чуточку темнее.

На что Цю Лань, сжав губы, ответила:

— Когда будете страдать бессонницей, сразу поймёте, что он очень хороший. Действительно ценный, лишь подержав в руках, тотчас же почувствуете уют и спокойствие на душе. И знать не знаете, откуда он появился? Не исключено, что эта вещь принадлежала небожителю, жившему в горах.

— Ну и ладно. — Князь долгое время окидывал камень взглядом, но, увидев, что Ду Фэн тоже уставился на него, Фэн Мин спешно протянул вещицу принцу в руки. — Примите это в знак

нашего свидетельства. — Но вдруг, выпучив глаза, Его Светлость спохватился: — Да, кстати, я Вам даю свидетельство нашей дружбы, а Вы мне что взамен дадите?

Видя проявление догадливости и бойкости князя, Ду Фэн пристально смотрел с мгновение на Фэн Мина, после чего потянулся к поясу и, взяв нефритовую флейту — ссяо, протянул со словами:

— При мне нет каких-либо ценностей, только эта флейта, которая со мной на протяжении десяти лет, её должно хватить в качестве залога[18].

Недавно услышавший поразительную мелодию флейты господина Ду, Фэн Мин наконец сейчас улучил возможность ясно разглядеть вещицу, стоя от неё буквально в двух шагах. Нефритовая флейта цветом сильно отличалась от обычной ссяо, зелёный цвет, покрывавший музыкальный инструмент, был очень тёмным, к тому же она сама не походила на обычную яшму, лишь слегка отражая блики света, но даже будучи непрозрачной флейта на удивление могла не на шутку взволновать сердце и чувства. На самой же вещице красовалась, словно опоясывая её, невиданная птица, запрокинув голову, она взмахивала крылами, застыв словно в бесконечном крике-песне, гравировка была бесподобной и довольно подробной, что казалось, будто птица вот-вот оживёт.

Даже не разбирающийся человек, увидев её, почувствовал бы, что вещь довольно необычная.

Князь уже хотел было, вытянув руки, взять её, но неожиданно кто-то оказался быстрее его, флейта, промелькнув перед глазами, тотчас же вырвалась из рук, исчезая.

Придя в изумление, Фэн Мин поднял голову и увидел, что выхватившим вещицу оказался не кто иной, как Ло Юнь.

С обычным выражением лица Ло Юнь, держа в руках способную создавать чудесную мелодию[19] нефритовую флейту, без всяких вздохов восхваления равнодушно посмотрел на неё так, как обычно смотрят на мёртвого кролика. Только в отличие от созерцания мёртвой тушки кролика, тут юноша был крайне серьёзен: поворачивая вещицу и проводя пальцем то тут, то там, поднёс к носу, обнюхал, а потом, по-видимому будучи всё ещё не удовлетворённым, Ло Юнь неожиданно высунул кончик языка и лизнул её.

На что Цю Юэ шёпотом забранилась:

— Такой противный, фу!

Когда девушка разразилась бранью, Жун Ху одёрнул её за предплечье:

— Он проверяет на яд, — также шепотом вернул телохранитель.

И действительно, досконально проверив флейту, юноша вернул её князю Мину со словами:

— Чисто.

Взяв «залог» и не в силах выпустить из рук, Фэн Мин прикоснулся к небольшим выпуклым рубцам на флейте, чувствуя, что вещица более тяжёлая, чем казалось, кроме того, неизвестно, из какого нефрита она была сделана, наверное, из очень редкого. Князь долгое время радовался, но, вдруг почувствовав неладное, обратился к Ду Фэну:

— Это слишком ценная флейта, к тому же много лет при Вас, как я могу её взять?! Нет, лучше дайте мне что-нибудь другое, — говоря это, князь с тяжёлым сердцем вернул вещицу.

Найдя ситуацию занимательной, Ду Фэн приподнял уголки губ и, улыбаясь, спросил в ответ:

— А разве камень Аньшэнь не является ценностью? Только из-за того, что она долгое время со мной, разве можно считать её пустяковым залогом? — не пожелал забрать обратно флейту мужчина.

Понимая, что Его Высочество прав, Фэн Мин был покорён и, держа флейту, нерешительно притянул к себе. На самом деле ему очень понравилась вещица, потому князь спешно впихнул столь тяжёлую драгоценность за пояс, принял красивую позу и с лёгкой тревогой в голосе спросил Ду Фэна:

— Ну как? Мне идёт?

На что мужчина легко улыбнулся:

— На Вас она выглядит как дорогая старинная нефритовая подвеска. Незнающий человек наверняка примет Вас за мастера, умеющего играть на флейте.

Двое мужчин с мгновение смотрели друг на друга и, не сговариваясь, разразились смехом. После обмена можно было считать, что важное дело выполнено, двое вновь сели на места и продолжили беседу.

Цю Син вне себя от радости выскочила из комнаты, чтобы уже в третий раз заварить для них чай, её близняшка и Цю Лань вместе с Жун Ху и Ло Юнем по-прежнему находились подле господ в гостиной.

— Вы только что говорили, что принцесса Чан Лю выдвинула три условия... — князь затронул тему, начатую до этого, и посмотрел на Ду Фэна.

И действительно лицо мужчины, ещё недавно светящееся от радости, сейчас слегка

помрачнело.

— Камень Аньшэнь — одно из выдвинутых условий, конечно же, самое важное. Остальные два... — По отношению ко всему Ду Фэн не смущался и не испытывал неловкость, в отличие от знатных отпрысков, чьи родители обладали богатством, даже, наоборот, равнодушно ответил: — Во втором условии она говорила, что хочет горшок с Вэньлань[20].

Ещё одно название, услышанное впервые, заставило князя по привычке обернуться и посмотреть на Жун Ху, который, в свою очередь, слегка покачал головой, как бы говоря, что тоже никогда о нём не слышал.

— Вэньлань является, своего рода, очень редкой орхидеей, по слухам, выращивать её очень трудно, и мало кто в этом мире видел её, — медленно проговорил Ду Фэн, словно вновь вспоминая прошлое, и, слегка усмехнувшись, шёпотом добавил: — Это всё по моей вине, зачем я тогда рассказал ей про этот вид орхидей? Я ей когда-то говорил, что она благоухает, как душистая Вэньлань, понюхав которую перестаешь замечать другие ароматы. А после встречи с Чан Лю в моих глазах все женщины мира стали некрасивыми и неароматными[21].

Услышав слова мужчины, Цю Син и две другие девушки в душе опечалилась.

На что Ду Фэн вновь заговорил:

— На самом деле я никогда не видел Вэньлань и, конечно же, не нюхал её. Впервые я встретился с Чан Лю как раз тогда, когда во дворце Чжаобэй молились духам воды, прося мягкого ветра и благоприятных дождей[22]. Я, принявший приглашение от близких друзей, которые являются знатью Чжаобэй, явился в страну и на берегу реки Оман, подняв голову, увидел её, стоящую передо мной, она тихо смотрела на поверхность воды. Не в силах сдержать своих чувств, я открыл рот и рассказал ей про этот обман: «Ваше Высочество, а Вы знаете, что от Вас исходит особый аромат, похожий на благоухание Вэньлань?»

Будучи по природе не обременённым обязательствами, словно плывущие облака и текущая вода, Ду Фэн обладал природным умением расположить к себе: слушая его, почти все в комнате смутно представляли тот день первой непревзойдённо-прекрасной встречи двух будущих возлюбленных.

При мысли, что после этого Чан Лю выйдет замуж и уедет в далёкую страну Тун, как можно было не сокрушаться?

Атмосфера, которая с большим трудом смогла немного ожить, внезапно вновь стала безмолвной.

Будучи хозяином, Фэн Мин вынужденно взвалил на себя ответственность по смягчению атмосферы:

— Так... в конце концов, удалось увидеть, какая из себя Вэньлань?

Ду Фэн покачал головой:

— С тех пор, как та ложь сорвалась с моих губ, я тотчас же загорелся огромным желанием отыскать этот цветок и подарить Чан Лю, чтобы искупить свою вину за обман. Но я, обошедший и обплывший мир, лишь слышал, как некто говорил, что эта орхидея действительно существует, однако никто по-настоящему её не видел. Увы, обман повлёл огромные последствия[23], потому всё, что сейчас происходит, разве не является расплатой за мой опрометчивый поступок? Поверившая моим словам Чан Лю живёт в Тун и очень надеется, что Вэньлань скрасит её одиночество. В такой тяжёлый момент как я могу сказать, что никогда не видел Вэньлань и даже не знаю, где отыскать её заветный цветок? — Но это действительно была очень важная проблема.

От подобной задачи голова разболелась не только у Ду Фэна, но и у Фэн Мина вместе с его свитой. Ведь принцесса Чан Лю и без того уже была несчастна, и никому не хотелось в этот довольно сложный период её жизни наносить очередной удар, который наверняка мог бы её сломать. Поэтому кто решился бы открыть правду, что первая их встреча с Ду Фэном ещё смешалась с ложью? У Ду Фэна даже мысли не было вредить ей, просто увидев прекрасную девушку, в тот миг он не смог обуздать себя, и всё.

— А вы? Знать не знаете об этом цветке? — окинул взором своих приближённых князь.

На что несколько служанок, как и он сам, никогда не слышавших о подобном цветке, в итоге с огорчением покачали головой. Жун Ху, по-видимому, тоже не знал, но после долгого размышления нерешительно предложил:

— А если за вознаграждение поинтересоваться, где искать этот цветок, то, может быть, кто-то и разговорится.

— Верно-о! А если у кого этот цветок найдётся, то мы купим его, и всё! — сразу же одобрил Фэн Мин.

Но Ду Фэн начал насмехаться:

— Этот способ я уже пробовал, всё, что приносили, было фальшивкой. Их так называемая Вэньлань была из обычного сорта орхидеи, либо люди отправлялись в горы, где находили редкие луговые цветы и выдавали их за неё. Ради денег человек осмелится сделать всё что угодно.

— Э? — не поняла Цю Лань. — Как Ваше Высочество узнал, что цветы фальшивые? Он же не видел орхидею, так как отличил где правда, а где ложь?

— Действительно! — глаза князя внезапно просияли, и, обнажив злорадную улыбку, Фэн Мин предложил: — Эта орхидея такая редкая, что её будет нелегко отыскать. На худой конец мы отыщем такой же редкий цветок, который особенно благоуханен, и отошлём принцессе Чан Лю, так или иначе она тоже её не видела. Как бы то ни было, лучше немного солгать, чем сказать ей всю правду, идёт?

— Верно-верно! Князь Мин и впрямь умный! — спешно согласилась Цю Лань. У девушки тоже возникла подобная мысль, решающая только что озвученную задачу, вот только высказать её так и не решилась в отличие от князя, который оказался прямолинейнее, чем служанка.

— Хоть и не встречал, но в свитках есть описание, — уставился с улыбкой на Цю Лань мужчина.

Взгляд Ду Фэна, падающий на кого угодно, был сосредоточенным и наполненным глубокими чувствами, а блеск глаз подобен звёздам, при таком взгляде сердце начинало трепетать, даже Цю Лань, будучи уже замужней девушкой, с перепугу громко закричала — действительно, «нежеланный государь» обладал потрясающим очарованием.

Тихо поглаживая грудь, где с сумасшедшей силой билось сердце, Цю Лань услышала, как Ду Фэн блёкло продолжил:

— В записях сказано: распустившиеся бутоны Вэньлань черны, как ночь, но, несмотря на это, они крайне очаровательны, аромат от них исходит слабый, но очень приятный, то появляется, то исчезает, подобно чарующей красавице.

Фэн Мин вместе с Цю Юэ и остальными обменялись растерянными взглядами.

«Уа, какая орхидея, а? Бутоны чёрные, но как они могут быть очаровательными? Ещё и благоухание, у которого даже нет подробного описания, и ладно, что сам цветок едва видим, но какой запах может быть «подобно чарующей красавице»? В каких свитках Ду Фэн это всё вычитал? Кто написал так размыто?»

Все присутствующие вынужденно с подозрением и осторожностью, которую даже не скрывали, уставились на непринуждённого принца Ду Фэна.

После чего Жун Ху вставил слово:

— Что касаясь записей о Вэньлань, то я тоже их видел, в основном всё, что сказал господин Ду, правда. Такие записи встречаются в «Записках о всякой всячине» и «Собрании заметок».

Фэн Мин опустил плечи. Он знал об этих книгах, они были очень известны, и много кто их читал. В те годы, находясь в стенах дворца Силэй, когда Жун Тянь заставлял учиться за закрытыми дверями[24], эти две книги находились в списке необходимых к прочтению. Вот

только он не был прилежным, как Жун Ху, и, делая вид, что читает, сразу отшвырнул несколько книг, иначе, может быть, сегодня при одном упоминании об этой Вэньлань он, князь, хоть немного был бы в курсе. Потому сейчас Фэн Мин не мог не раскаиваться за то, что тогда невнимательно изучал книги.

Самая важная проблема заключалась в том, что принцесса Чан Лю, вероятно, тоже читала эти свитки и наверняка знает, как выглядит Вэньлань. Даже если захочешь подделать, то где отыскать такие чёрные, необычайной красоты, с ароматом, подобным чарующей красавице, призрачные цветы? План с подделкой тотчас же провалится. Ну и как же поступить?

В гостиной вновь повисла беспомощная тишина.

— Кхм...

Тишина.

— Кхм-кхм...

— Ло Юнь! — Цю Юэ, наконец не сдержавшись, пристально посмотрела на стоящего в стороне равнодушного Ло Юня. — Можешь немного помолчать?

Всегда спокойный Ло Юнь в этой давящей тишине от случая к случаю покашливал, привлекая к себе внимание. Сам же Ло Юнь ни на волос не отреагировал на гневный взгляд Цю Юэ, лишь равнодушно посмотрел на девушку и, переведя взгляд, обратился к Фэн Мину:

— Молодой господин.

— М? — отсутствующим^[25] тоном отозвался князь.

— Я знаю.

— М? — Только после нескольких минут князь отреагировал — сразу подпрыгнул и полутуманным взглядом уставился на Ло Юня: — Что? Что ты знаешь?

Что касается информации о Вэньлань, то кто угодно мог высказаться, и это не вызвало бы удивления, но Ло Юнь! И орхидеи!.. Между ними нет ничего общего.

Вот только настроение у всех оживилось.

— Ты знаешь, где достать Вэньлань?

— Ло Юнь, откуда тебе знать об этом цветке?

— Говори, где он цветёт?

Молчание.

Ду Фэн вместе с Фэн Мином ещё никак не пошевелились, а девушки уже плотно окружили Ло Юня.

— Эй, дурной мальчишка, быстро отвечай! Мы спросили тебя.

Увидев, что Ло Юнь остался равнодушным, похоже, намереваясь с холодной усмешкой наблюдать за всем происходящим, Цю Юэ захотелось, как Цю Лань пинала супруга, также безжалостно пнуть по ноге Ло Юня. Но только, если подумать, Ло Юнь не Жун Ху.

Взгляд юноши всегда был холодным и жестоким, Цю Юэ также знала, что за поясом у него висит меч, который наверняка обагрился кровью многих людей. Потому если небрежно пнуть, то не исключена возможность, что две прекрасные ножки могут превратиться в два обрубка...

— Ло Юнь, умоляю, скажи нам. Принц Ду очень несчастен.

Но ласковые речи девушки не возымели результата.

Фэн Мин вздохнул и, не найдя ничего лучше, как подойти, скрепя сердце[26] спрятал улыбку и робко спросил:

— Ло Юнь, ты не скажешь, что знаешь о Вэньлань? Прошу тебя, скажи мне, хорошо? Кланяюсь тебе. — И, договорив, князь действительно отвесил поклон Ло Юню.

Князь понимал: юноша презирает его. Всегда презирал. На этот раз ещё и умоляет его, наверняка в дальнейшем это вызовет ещё больше презрения. И так было понятно[27], что Ло Юнь, безусловно, что-нибудь съязвит, высмеивая Фэн Мина. Эх, ладно, всего лишь несколько язвительных фраз? Ради друга Ду Фэна и несчастной принцессы Чан Лю услышать несколько безжалостных слов — ерунда.

Само собой разумеется... Ло Юнь в какой-то мере считается членом семьи Сяо, и это можно расценить как внутренний конфликт, не более. Но удивительно то, что Ло Юнь ещё ничего не сказал унижительного и едкого.

Примечания:

[1] 艙 (gé chuán) — перегородка судна; как мы понимаем, имеется в виду фальшборт с

планширем.

[2] 貌美如花 (mào měi rú huā) — словно цветок красивая внешность; поэт. подобный цветку (о женской красоте).

[3] В оригинале фраза звучит как «зрачок как капля лака», обр. в знач.: черный, как уголёк (например, о глазах).

[4] Плакучая ива.

[5] 见微知著 (jiàn wēi zhī zhù) — предвидеть события по первым признакам.

[6] В оригинале имеется в виду 妃 (fēi) — фэй, что переводится как императорская наложница (второстепенная жена/жена второго ранга), также принцесса/княгиня. Вообще имеется в виду титул ниже императрицы, а также жена наследного принца, у нас второй вариант.

[7] 白 (sù) — белая ива.

[8] Здесь игра слов: используется иероглиф 昧 (mèi), который можно перевести как тёмный\мрачный, а также глупый\тупой. А ещё он созвучен с иероглифом 妹 (mèi), который означает «младшая сестра».

[9] 淋漓尽致 (lín lí jìn zhì) — букв. пропитывать насквозь; обр. во всех подробностях, с исчерпывающей полнотой.

[10] Блюдо из мелко нарубленной курятины.

[11] 喜怒不形于色 (xǐ nù bù xíng yú sè) — обр. не выказывать никаких эмоций.

[12] Словом 息小子 (sì xiǎo zǐ) (досл. мёртвый мальчик) обычно старшие шутливо ругают младших.

[13] Дословно фраза звучит как «стремительно разливающийся подводный поток», обр в знач.: незаметно что-то делать.

[14] «Остывшая было зола разгорелась вновь» — перен. возродиться, ожить; вновь набраться сил; воспрянуть духом.

[15] Имеется в виду любовная тоска.

[16] Сама фраза имеет аналог «отвязать колокольчик (с шеи тигра) должен тот, кто его привязал»; обр. в знач. кто совершил ошибку, тому её и исправлять; вопрос должен разрешить тот, кто его поднял; кто кашу заварил, тому и расхлёбывать.

[17] Название переводится как «успокоиться», «взять себя в руки»; «быть довольным»; «спокойный». Также в китайской медицине это успокоение — лечение эмоционального расстройства и беспокойства успокаивающими средствами.

[18] 信物 (xìn wù) можно перевести и как «свидетельство», и как «залог» — предмет, подтверждающий соглашение; подарок на память.

[19] В оригинале 吹笛子 (chuī dǎo zǐ) можно дословно перевести как «выдуть божественную сяо». Дело в том, что сяо (мелодия флейты) является мелодией мифического императора Шуня, который, согласно народным представлениям, был преобразователем музыки и календаря, а также является символом сыновней любви, преданности и

почтительности.

[20] 蘭 (wénlán) — иероглиф вэнь можно перевести как изящный, утончённый, прекрасный, а лань — орхидея. То есть, иными словами, прекрасная орхидея.

[21] 饗 (xiāng) также можно перевести как аппетитный, прелестный, высокоценный.

[22] Просьба о благоприятном урожае.

[23] В оригинале 包 (bāo) баоинь — имеются в виду начертания на спине коня-дракона, явившегося из реки Хуанхэ, по которым Фу-си составил 8 триграмм, как и письма на панцире черепахи из реки Ло, положенные якобы в основу китайского письма, которые, в свою очередь, означают счастливое предзнаменование небес. Но Ду Фэн говорит, что письма, которые должны нести счастье, из-за его лжи стали не счастливыми, а роковыми.

[24] Досл. «учёба за закрытыми дверьми» — способ обучения, при котором ученики не должны сталкиваться с внешним миром.

[25] В оригинале фраза звучит как «сердце (внимание) находится не здесь», обр. отсутствующий (мыслями), рассеянный, невнимательный, поглощённый своими мыслями.

[26] В оригинале фраза звучит как «отвердив кожу головы», обр. с упорством; через не хочу заставляя себя.

[27] В оригинале используется словосочетание «и коленям понятно», что аналогично русскому «и ежу понятно».

<http://bllate.org/book/13377/1190223>